

#библиографыКинешмы #Дыханиевремени

В последнюю нашу встречу мы рассказывали об альманахе «Литературная Москва» 1956 года издания. Пробегая по его содержанию, взгляд «зацепился» за название «Людам будущего». Это стихотворение заинтересовало: «Над самолётом – солнце близко, внизу – туманная погода... А я в уме писал записку друзьям двухтысячного года...» Автор Семён Кирсанов, имя не на слуху... Стали искать информацию на просторах интернета и вышли на сайт журнала «Русский мир. Ru». Там была опубликована интересная статья о поэте «На тонком тресе». Вот что пишет автор статьи Ирина Лукьянова: «Семен Кирсанов всегда оказывался в чьей-то тени: в молодости — Маяковского; в старости — Евтушенко и Вознесенского, которые начинали с подражания ему самому. Главный формалист советской поэзии, трюкач стиха — он не то полузабыт, не то даже не прочитан толком». Итак, наш уважаемый читатель, давайте попробуем исправить эту несправедливость.

Семен Исаакович Кирсанов родился в Одессе 18 (5) сентября 1906 г., в семье портного. Первые стихи, по его словам, написал в десять лет. Революцию увидел из третьего класса гимназии. Подростком бросился в жизнь одесской литературной богемы. В 1922 г. (как написано в автобиографии) он читает стихи приехавшему в Одессу Маяковскому — и Маяковскому они нравятся. Он позвал Кирсанова читать стихи вместе. В 1925 г. Семён едет завоевывать Москву, ему 19 лет.

Из статьи Ирины Лукьяновой: «На первых порах ему пришлось нелегко: «В Москве тепло принят левовцами, – рассказывал он в автобиографии. – Начинаю печататься в прессе. Живу плохо, голодаю, сплю под кремлевской стеной на скамье. Приезжает из Америки Маяковский. Дела улучшаются. Пишем вместе рекламные стихи и агитки». Маяковский относился к нему по-отечески: «Кирсанчик! Что с Вами? Отчего штаны драные? Отчего грустный? – Да вот, Владим Владимч, ночью на бульваре, одеваюсь в КиноПечати, в «Новом мире», ем лук, никто не печатает. – Идемте к нам жить. Лилечка уехала, будете спать в ее комнате». Маяковский свел его с Госиздатом (ГИЗом), обеспечил первыми заказами».

В 1926-м выходит его первая книга – «Прицел». А через год новая книга – «Опыты». Это уже начало известности. Маяковский его поддерживает, привлекает к работе над агитками, берет в поездки по Союзу — рослому Маяковскому нравилось выходить на эстраду рядом с маленьким Кирсановым.

Смерть учителя становится потрясением для молодого поэта (тем более, что незадолго до этого они крупно поссорились). Известный писатель и журналист Михаил Розенфельд вспоминал о тех событиях так: «Наверное, никто так глубоко не пережил самоубийство Владимира Владимировича, как Семен. В день похорон он стоял взъерошенный у печки (на таганской квартире, куда привезли тело погибшего) и так рыдал, прямо как маленький ребенок... совершенно безутешно».

С этого времени начинается самостоятельная творческая судьба.

Из воспоминаний Владимира Кирсанова, сына поэта: «В свое время отец эпатировал так же, как Маяковский. Он вообще был человеком очень эпатажным, он вызывающе одевался, очень дешево, но очень броско. <...> Главный эпатаж, конечно, был творческий... Он обожал Пастернака. Вот уж точно могу сказать, что впервые я услышал стихи Пастернака из уст своего отца».

Война для поэта началась с личной трагедии. За несколько месяцев до войны он женился на молодой очень красивой женщине (это был второй брак, первая жена умерла от туберкулёза в 1937 году, подарив незадолго до этого супругу сына).

Молодые поехали в свадебное путешествие в Ригу, а тут началась война; вернулись в Москву и Семён Исаакович тут же пошел на фронт. На эту тему он написал поэму, которую он назвал «Эдем». Дело в том, что имя его новой жены было Раиса — Рая — Эдем.

Во время войны Кирсанов был военным корреспондентом «Красной звезды», попадал в окружение, участвовал в освобождении Севастополя и Риги. Дважды был контужен. Война коснулась его судьбы самым прямым образом. И он присутствовал на Нюрнбергском процессе над военными преступниками в качестве корреспондента газеты «Труд».

В статье «На тонком тросе» её автор Ирина Лукьянова пишет: «Его запомнили франтом и гурманом, наследником Серебряного века, владельцем редкой мебели и библиотеки с полным изданием Хлебникова, хозяином квартиры, где висят картины Бурлюка [русский и американский поэт, художник, один из основоположников футуризма, член союза «Председателей земного шара»]. Он торопился жить. Написал раёшным стихом ироническую поэму "Макс-Емельян"; о ней Гаспаров [российский филолог и переводчик] писал, что Кирсанову удалось создать новую систему стихосложения, дающую возможность "соединить большие темы и идеи с веселой, неторжественной интонацией».

Семёна Кирсанова часто экспериментировал с созданием фигурных стихов (стихи, в которых слова образуют изображение какой-либо фигуры или предмета). Стихотворение «Мой номер» написано в виде канатоходца, фрагмент поэмы «Ночь под Новый век» напечатан в подлиннике в виде новогодней елки. Среди последних стихотворений — трагический «Ад» в форме ромба.

Иду
 в аду.
 Дороги —
 в берлоги,
 топи, ущелья
 мзды, отщепенья.
 Врыты в трясины
 по шем в терпиднах,
 губы резиной раздвинув,
 одни умирают от жажды,
 кровью опившись однажды!
 Ужасны порезы, раны, увечья,
 в трещинах жизни человека.
 Кричат, окаясь, вечные тени:
 уймите, закройте нам кровотечение,
 мы тонем, вопим, в ущельях теснимся,
 к вам, на земле, мы приходим и снымся.
 Выше, спирально тела их, стена, несутся,
 моля перельшки, напрасно, нет, не спасутся.
 Огненный ветер любовников кружит и вертит,
 по двое сплещись, тщетно они просят о смерти.
 За ними! Бросаюсь к их болью пронзенному кругу,
 надеясь свою среди них дорогую заметить подругу.
 Мелькнула. Она ли? Одна ли? Ее ли полузакрытые веки?
 И с кем она, мучась, спелась и, любя, сплелась навеки?

 Франческа? Она? Да Римина? Теперь я узнал: обманула!
 К другому, тоскуя, она поцелуем болящим прильнула.
 Я вспомнил: он был моим другом, надежным слугою,
 он шлейф с кружевами, как паж, носил за тобою.
 Я вижу: мы двое в постели, а тайно он между.
 Убить? Мы в аду. Оставьте у входа надежду!
 О, пытки моей беспощадная ежедневность!
 Слежу, осужденный на вечную ревность.
 Ревную, лететь обреченный вплотную,
 вдыхать их души, внимать поцелую.
 Безжалостный к грешнику ветер
 за ними волчком меня вертит
 и тащит к их темному ложу,
 и трет меня об их кожу,
 прикосновенья — ожоги!
 Нет обратной дороги
 в кружащемся рое.
 Ревнуй! Эти двое
 наказаны тоже.
 Больно, боже!
 Мука, мука!
 Где ход
 назад?
 Вот
 ад

У Кирсанова 66 книг, из которых львиную долю никто не помнит. Зато все помнят "Эти летние дожди", много позже переложённые на музыку Марка Минкова и исполненные известной певицей; и "Есть город, который я вижу во сне", в виде песни, ставшей визитной карточкой знаменитого Леонида Утёсова; и "Жил-был я" — песня на стихи автора великолепно исполненная Градским, она вошла в альбом композитора Давида Тухманова «Как прекрасен этот мир».

На этой музыкальной ноте мы заканчиваем сегодняшнее повествование. Надеемся, что вам, дорогие читатели, был интересен рассказ о поэте Семёне Кирсанове и, если бы не стихотворное послание «Людям будущего» из альманаха «Литературная Москва», возможно вы никогда не услышали бы о нём.

«Мы с вами, будущие люди, всё разберём, и все обсудим, и всё поправим, всё наладим – мир будет светел и наряден», - звучит как завещание великого жизнелюба поколению двухтысячных - не правда ли?